

История медицины

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 1996

УДК 61:93(470)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

ПЕРВЫЕ ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

О первых профессорах медицинского факультета Московского университета написано очень много. Среди публикаций, так или иначе касающихся истории медицины в России XVIII века, крайне сложно отыскать работу, в которой бы не упоминались их имена. Описания отдельных фактов из общественной, литературной, педагогической деятельности профессоров с общей позитивной оценкой составляют основу большинства работ по истории медицинского факультета Московского университета (особенно в отношении XVIII века)¹. Имена С. Г. Зыбелина, Ф. Г. Политковского, В. М. Рихтера неизменно фигурируют в связи с историей отечествен-

ной клинической медицины и русской медицинской науки². Помимо этого, существует целый ряд работ, включая отдель-

¹См., например: Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского университета — I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955; Возникновение и развитие медицинского факультета Московского университета в дореволюционный период (1765 — 1917) // 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С. 5 — 106.

ную монографию³, посвященных заслугам первого русского профессора медицинского факультета С. Г. Зыбелина — "ученика М. В. Ломоносова". Терапевты (В. Н. Смотров⁴, Д. М. Российский⁵) называют его первым русским терапевтом и основателем клинической школы Московского университета; педиатры (Е. Д. Заблудовская⁶) пишут о нем как о первом детском враче; гигиенисты считают, что С. Г. Зыбелин был одним из первых⁷ медиков, поднимавших проблемы профилактики в России⁷.

Вместе с тем нам не встретилось ни одной публикации, в которой бы давалась оценка деятельности первых профессоров медицинского факультета с точки зрения основной функции университета — обучения студентов. В большинстве известных литературных источников сообщается главным образом лишь перечень дисциплин, читавшихся тем или иным профессором, и этот перечень в отношении большинства из них охватывает чуть ли не все предметы, преподававшиеся на медицинском факультете в XVIII веке. Так, например, указывается, что П. Д. Вениаминов читал химию, "медицинскую материю", практическую медицину, ботанику, И. А. Сибирский — физиологию, патологию, терапию, гигиену, диететику; те же предметы, кроме ботаники, но включая еще анатомию с хирургией, преподавал и С. Г. Зыбелин. Чаще всего причины такого положения дел не оговариваются, реже делается вывод об отсутствии на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке какого-либо определенного установленного порядка преподавания⁸. Анализ расписаний лекций позволил установить ошибочность такой оценки⁹. Верно другое — первые профессора медицинского факультета не являлись специалистами в области читавшихся ими дисциплин, а потому в зависимости от ситуации курсы преподавания легко передавались от одного профессора другому. Само по себе это не являлось тогда чем-то из ряда вон выходящим. И в европейских университетах, и в отечественных госпитальных школах профессорам часто меняли курсы преподавания, им приходилось даже читать несколько совершенно различных курсов одновременно. Достаточно вспомнить перечень дисциплин, читавшихся И. Г. Редерером в Геттингенском университете (акушерство, анатомия, хирургия, физиология, судебная медицина)¹⁰, И. З. Платнером — в Лейпциге (анатомия, хирургия, физиология, патология, терапия)¹¹, К. И. Щепиным — в Московской госпитальной школе, Н. М. Максимовичем-Амбодиком, А. М. Шумлянским, М. М. Тереховским — в Петербургских генеральных госпиталях¹². Малая дифференциация медицинских дисциплин и широкое университетское образование позволяли профессорам преподавать несколько различных предметов или даже курсов, например теоретической медицины (включавшей физиологию, патологию, терапию) и анатомии с хирургией.

При этом, однако, большинство профессоров как европейских университетов, так и отечественных госпитальных школ, как правило, являлись специалистами в одной из читаемых ими дисциплин. Так, например, из тех, кто упомянут

²См., например: Лушников А. Г. Клиника внутренних болезней в России первой половины XIX века. — М., 1959. — С. 21—32; Побединский Н. И., Степанов Л. Г. Клиника акушерства и женских болезней // 175 лет Первого МГМИ. — М., 1940. — С. 251—252.

³Пионтковский И. А. Семен Герасимович Зыбелин // С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. — М., 1954. — С. 5—59.

⁴Смотров В. Н. Очерки по истории терапевтической школы Московского университета // Советская медицина. — 1940. — № 7.

⁵Российский Д. М. Первый русский профессор терапии С. Г. Зыбелин // Советская медицина. — 1948. — № 4.

⁶Заблудовская Е. Д. С. Г. Зыбелин — один из первых педиатров России // Педиатрия. — 1951. — № 1.

⁷Лотова Е. И. Идеи профилактики в трудах С. Г. Зыбелина // Советское здравоохранение. — 1952. — № 3.

⁸Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке // Сов. клиника. — 1932. — Т. 17, № 2—3. — С. 127—140.

⁹Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4. — С. 83—158.

¹⁰Biographisches diction der hervorragenden Arzte aller Leiten und Volker. — Berlin; Wien, 1939. — Bd 4. — S. 845—846.

¹¹Ibid. — Bd 4. — S. 626—627.

¹²См. соответствующие биографические справки в кн. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883.

выше, И. Г. Редерер был известнейшим в Европе акушером, инициатором преподавания акушерства как самостоятельной клинической дисциплины в университетах¹³; И. З. Платнер специализировался в области хирургии и подготовил фундаментальное руководство, выдержавшее несколько изданий и широко использовавшееся для преподавания хирургии в университетах и хирургических школах Европы¹⁴; в России А. М. Шумлянский и Н. М. Максимович-Амбодик были известными акушерами, М. М. Тереховский — крупным специалистом в области ботаники. В XVIII веке в числе профессоров медицинского факультета Московского университета таких специалистов не было. Лишь профессор В. М. Рихтер, известный своей блестящей акушерской практикой и научными работами в области акушерства, являлся специалистом по одному из предметов, которые преподавал. Более того, В. М. Рихтер — единственный из профессоров медицинского факультета — подготовил учеников, успешно преподававших акушерство: в Московском университете — А. И. Данилевский, В. И. Ризенко, М. В. Рихтер; в Московской медико-хирургической академии — Д. И. Левитский. Однако окончательное формирование его как профессионала, как и подготовка учеников произошли уже в XIX веке.

Наиболее отчетливо отсутствие профессионалов среди профессуры медицинского факультета можно увидеть на примере преподавания анатомии — одной из немногих медицинских дисциплин, представлявших собой в XVIII веке окончательно сформировавшуюся науку со своим предметом и методами изучения. Как следствие этого и в Европе, и в России преподавание анатомии в XVIII веке переходило к профессионалам-анатомам. В Европейских университетах XVIII века Б. Альбинус и Дж. Морганьи, А. Галлер и И. Гассер, Я. Винслоу и Л. Калданий, А. Шааршмидт и Л. Гейстер, И. Меккель и др. были не только профессионалами-анатомами, но и внесли весомый вклад в развитие анатомии как науки. В России профессионально занимались анатомией профессор университета при Петербургской академии наук И. Вейтбрехт и А. П. Протасов, Петербургской медико-хирургической академии — П. А. Загорский. В Московском университете вплоть до Ю. Х. Лодера не было ни одного профессионального анатома. Поэтому не случайно, что первая в России анатомическая школа сложилась не в Московском университете, а в Петербургской медико-хирургической академии (П. А. Загорский). Ф. Ф. Керестури, более 30 лет читавший курс анатомии на медицинском факультете, не подготовил ни одного учебника или руководства, не опубликовал даже результатов своих наблюдений. В Москве он был известен как превосходный частнопрактикующий врач, а отнюдь не как анатом¹⁵. Удачно практиковал не один Ф. Ф. Керестури. И С. Г. Зыбелин, и П. Д. Вениаминов, и особенно Ф. Г. Политковскому практическая врачебная деятельность принесла широкую известность. За долгие годы практики они накопили большой опыт, им было, что сказать студентам. Но при существовавшей в Университете в XVIII веке системе преподавания практических медицинских дисциплин их огромный врачебный опыт не мог быть эффективно использован.

Не только Ф. Ф. Керестури, но и все без исключения профессора медицинского факультета за время работы в университете не составили ни одного учебника, ни одного руководства. Преподавание велось только по европейским источникам¹⁶. Основными работами профессоров медицинского факультета явились переводы иностранных руководств и публикации произнесенных ими актов речей ("Слов"). При этом отметим, что по темам своих выступлений профессора каких-либо самостоятельных специальных исследований не проводили. В лучшем случае из текстов "Слов" мы можем узнать собственный взгляд автора на ту или иную проблему, частный вопрос, но, как правило, актовые речи представляли со-

¹³Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 396.

¹⁴Platneri Z. Institutiones chirurgiae. Lipsiae, 1745. О И. З. Платнере см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке. Комментарий // Истор. вестн. Моск. мед. акад. им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4. — С. 83—158.

¹⁵Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 16. — С. 404—406.

¹⁶Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке // Пробл. соц. гиг. и история мед. — 1995. — № 5. — С. 43—48.

бой лишь обзор литературы, причем в ряде случаев основательно устаревшей. В связи с этим нам представляются не вполне оправданными выводы о том, например, что С. Г. Зыбелин был первым отечественным педиатром и основоположником профилактического направления в русской медицине, сделанные на основании отдельных цитат из его речей, в которых он ратовал за необходимость борьбы с детской смертностью, проведения широких гигиенических мероприятий, поднимал вопросы о важности ухода за детьми, правильного кормления и воспитания.

В это же время профессора госпитальных школ — медико-хирургических училищ явились авторами целого ряда учебных пособий и вполне самостоятельных научных разработок. Н. М. Максимович-Амбодик составил учебник по акушерству, И. Ф. Шрейбер — по патологии, М. И. Шеин подготовил и опубликовал анатомический атлас и т. д.¹⁷

Помимо отсутствия самостоятельных оригинальных исследований, еще одним свидетельством того, что профессора медицинского факультета Московского университета не являлись специалистами в какой-то одной из областей теоретической или практической медицины, служит то обстоятельство, что никто из них в течение века не подготовил ни учеников, ни преемников. Половину профессоров факультета в XVIII веке составили выпускники европейских университетов (И. Х. Керштенс, И. Ф. Эразмус, М. М. Скиадан, И. И. Вечь). А ставшие профессорами выпускники медицинского факультета Московского университета собственно подготовке к профессии прошли под руководством тех или иных европейских специалистов.

О какой клинической школе Московского университета, основателем которой был С. Г. Зыбелин, можно говорить¹⁸, если за 37 лет работы в университете он не подготовил себе даже преемника. Ф. Г. Политковский, читавший после С. Г. Зыбелина практическую, а затем клиническую медицину, по окончании медицинского факультета стажировался за границей главным образом по предметам натуральной истории¹⁹. Да и само преподавание практических медицинских дисциплин на медицинском факультете в XVIII веке было сугубо теоретическим, даже без каких-либо клинических демонстраций. Объявленный С. Г. Зыбелиным на 1801/1802 учебный год курс "консультаторной медицины" с демонстрацией больных, если и состоялся, то носил характер частной, причем никем не поддержанной инициативы²⁰. Не было в Московском университете в XVIII веке и клинической базы²¹. Получившее широкое распространение в отечественной историко-медицинской литературе мнение, что М. Я. Мудров (действительно один из основоположников клинической медицины в России) был учеником Ф. Г. Политковского, попросту противоречит фактам. Во-первых, во время обучения М. Я. Мудрова в университете Ф. Г. Политковский читал курс натуральной истории, а во-вторых, основной сферой интересов М. Я. Мудрова до его возвращения из-за границы являлась хирургия. Желая посвятить себя хирургической практике, он после окончания университета прошел годичную стажировку в Московском военном госпитале и сдал экзамен на звание кандидата хирургии; именно с этой целью он в 1801 г. отправился за границу²².

Преемственность преподавания, его единая направленность при смене профессора, читавшего тот или иной курс, достигалась главным образом путем использования в учебном процессе одних и тех же учебников и руководств. Например, основными источниками преподавания теоретической и практической медицины на протяжении XVIII века служили учебники Хр. Г. Людвиг и Г. Бургаве, химии и "медицинской материи" — руководства Г. Бургаве и Р. А. Фогеля; акушерства — учебник И. Редерера²³. В результате в последние десятилетия XVIII века в преподавании целого ряда дисциплин наметилось существенное отставание от европейского уровня развития науки. Отметим, что при этом библиотека Московского университета практически не пополнялась новыми книгами по медицине с 1766 г., т. е. студенты были лишены возможности ознакомиться с современной литературой и узнавать таким образом о новейших достижениях европейской научной мысли²⁴. Не меняли картины и профессора, которые только приступали к преподаванию после недавней стажировки за границей или прибыли в Россию сразу после окончания европейских университетов — по-видимому, вследствие того, что профессорами медицинского факультета в XVI-II веке становились только что окончившие университет, не успевая ни стать специалистом в той или иной области, ни приобрести собственный опыт педагогической работы. В этих условиях единственно возможным был путь использования прежних источников преподавания, прежних, уже отработанных методических приемов. Об этом свидетельствуют те немногие изменения, которые произошли в преподавании на медицинском факультете в XVIII веке: они связаны с именами профессоров, проработавших в университете более 10 лет и, следовательно, имевших возможность приобрести необходимый опыт. Так, профессор теоретической медицины М. М. Скиадан, сохранив прежнюю направленность преподавания своего курса по Бургаве, ввел чтение физиологии по учебнику А. Галлера, который представлял собой во второй половине XVIII века последнее слово в физиологии. Учебник А. Галлера вышел в свет в 1747 г., М. М. Скиадан стал профессором медицинского факультета Московского университета в 1779 г., а преподавание по Галлеру введено в 1788 г. Профессор анатомии Ф. Ф. Керестури, начавший преподавание в университете в 1775 г., лишь в 80—90-х годах наряду с учебниками И. Пленка и Хр. Г. Людвиг стал использовать широко распространенные руководства Л. Калдания и Я. Винслоу²⁵. С. Г. Зыбелин как по прошествии определенного времени стал указывать в расписаниях своих лекций на то, что, помимо основных источников, будет использоваться "и другие новые изобретения прославившихся мужей"²⁶.

Отдельно хотелось бы остановиться на деятельности профессоров И. Х. Керштенса и И. Ф. Эразмуса. В отечественной историко-медицинской литературе, особенно в советской, их работа в университете получила, на наш взгляд, не совсем верную оценку. Они обвинялись в клевете на русскую медицину, травле русских профессоров, уклонении от исполнения своих университетских обязанностей, непомерной корысти²⁷. Действительно, И. Х. Керштенс не выполнил данного ему поручения составить опись минералогического кабинета²⁸; И. Ф. Эразмус в достаточно резких выражениях отзывался об отношении общества к анатомии и анатомам²⁹, сложность его характера привела сначала к конфликту с президентом Медицинской канцелярии бароном Черкасским, а после того, как куратору Московского университета В. Е. Адодурову удалось уладить этот конфликт, И. Ф. Эразмус недостойно обошелся и с ним³⁰; оба они дали не самую лестную оценку знаниям П. Д. Вениаминова. Но, во-первых,

23 Подробнее см.: Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке // Пробл. соц. гиг. и история мед. — 1995. — № 5. — С. 43—48.

24 Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке // Сов. клиника. — 1932. — Т. 17. — С. 137.

25 Подробнее об указанных учебниках, руководствах и их авторах см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке. Комментарий // Истор. вестн. Моск. мед. акад. им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4. — С. 83—158.

26 См. например: Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете... преподаваемых с 17 августа 1789 года по 26 июня 1790 года. — М., 1789.

27 См., например: Марковников В. В. Исторический обзор химии в Московском университете // Ломоносовский сборник: Материалы для истории развития химии в России. — М., 1901. — С. 27, 28.

28 Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 1. — С. 407—410.

29 Эразмус И. Ф. О противностях анатомического учения, уселением и великою оною пользою несравненно превышаемых. — М., 1766.

30 Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. CCLVIII—CCCLXI.

¹⁷ Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века. — М., 1959. — С. 160—167, 267—268.

¹⁸ Лушников А. Г. Мироззрение И. Е. Дьяковского // Дьяковский И. Е. Сочинения. — М., 1954. — С. 27.

¹⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 2. — С. 280—287.

²⁰ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4. — С. 83—158.

²¹ Сточик А. М. О клинической базе Московского университета в XVIII веке // Пробл. соц. гиг. и история мед. — 1995. — № 3. — С. 56—58.

²² Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915.

слова И. Ф. Эразмуса об отношении к анатомии в России были совершенно справедливыми, как, на наш взгляд, и результаты экзамена, проведенного И. Х. Керштенсом и И. Ф. Эразмусом после возвращения П. Д. Вениаминова из заграничной командировки³¹. Во-вторых, оба они приехали в Россию отнюдь не с альтруистическими намерениями, их желание получать деньги за выполненную работу вполне оправданно. Наконец, в-третьих, именно благодаря их деятельности, о чем, кстати, не упоминается вовсе, преподавание на медицинском факультете Московского университета было приведено в соответствие с европейской университетской традицией и отчасти преодолены недостатки "Проекта о Учреждении Московского университета", в котором в разделе, относящемся к медицинскому факультету, попросту отсутствовали, за исключением анатомии, медицинские дисциплины.

И. Ф. Эразмус и И. Х. Керштенс приняли участие в составлении "Мнения об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве" и надо полагать, что именно им принадлежат содержащиеся в "Мнении" предложения в отношении медицинского факультета — разделить все предметы преподавания на комбинированные профессорские курсы, ввести в число учебных дисциплин хирургию, практическую медицину, физиологию, патологию, терапию, гигиену, диететику³². Они не только высказали эти идеи, но и претворили их в жизнь. И. Х. Керштенс взял на себя преподавание курса химии, "медицинской материи" и практической медицины, И. Ф. Эразмус — анатомии и хирургии, а С. Г. Зыбелину и П. Д. Вениаминову было поручено чтение курсов теоретической медицины и ботаники соответственно. Именно И. Х. Керштенс ввел преподавание химии и "медицинской материи" в Московском университете по Бургаве и Фогелю, продолжавшееся вплоть до начала XIX века. Отметим, что учебники Р. А. Фогеля использовались в большинстве университетов Европы и представляли собой одну из первых попыток составить курс химии для медиков³³. И. Ф. Эразмус не только перевел на латинский язык и издал в Москве анатомические таблицы А. Шааршмидта, но и, собрав воедино его таблицы по всем разделам анатомии,

³¹ Там же. — С. СХХI—СХХII.

³² Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1875. — Кн. 2. — С. 181—182.

впервые, если можно так выразиться, сконструировал это издание. Поэтому немецкие биографические словари в списке работ А. Шааршмидта приводят это московское издание, указывая его автором И. Ф. Эразмуса³⁴. После ухода из Московского университета И. Ф. Эразмус успешно практиковал и работал в Повивальной школе при Московском военном госпитале³⁵, а И. Х. Керштенс до конца жизни был профессором Кильского университета³⁶.

И. Х. Керштенс и И. Ф. Эразмус не долго преподавали в Московском университете и, конечно же, основная тяжесть работы по становлению медицинского факультета легла на плечи молодой русской профессуры. Они были талантливы, хотя и неопытны. Но ношу свою несли с достоинством, стремясь сделать все от них зависящее для того, чтобы факультет жил и развивался. Надо отдать должное первым профессорам медицинского факультета Московского университета. В условиях крайне слабого материально-технического обеспечения учебного процесса, низкого жалования (некоторые профессора по несколько лет работали, даже не получая его), малого числа слушателей, уровень подготовки которых подчас не соответствовал уровню студента университета, приобретая необходимый опыт по ходу работы, они смогли в течение 40 лет XVIII века не только подготовить около 30 выпускников, ставших впоследствии докторами медицины, но и внедрить на русскую (в целом неподготовленную) почву европейскую традицию университетского медицинского образования, создать ту основу медицинского факультета, которая позволила в начале XIX века, в основном силами его же выпускников, успешно провести реформу преподавания, предусматривавшуюся Уставом 1804 г.

Поступила 20.06.95

³³ Подробнее об этих работах Р. А. Фогеля см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке. Комментарии // Истор. вестн. Моск. мед. акад. им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4. — С. 83—158.

³⁴ Erasme F. Schaarschmidt tabule anatomicae, in usum praelectionum acat. etc. — Moskau, 1768. — Wien, 1777 (см., например: Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker. Berlin; Wien, 1934. — Bd. 5. — S. 47.).

³⁵ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. CCCLXI.

³⁶ Biographisches Lexikon... — Berlin; Wien, 1931. — Bd. 3. — S. 511—512.